

М.П.

№ в реестре _____

ДЕЛО №

ВИКТОР АВИН

МИГРАЦИЯ ДУШИ

(реальность начинает проступать сквозь слова)

2001-2011 избранное

Том-1

Виктор Авин

Миграция Души. Том 1: 2001–2011 избранное

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3943775

*Миграция души: Сборник стихотворений: Московская городская организация Союза писателей
России; Москва; 2012
ISBN 978-5-7949-0039-2*

Аннотация

Беда многих современных поэтов – их стихи скучны. Здесь же нет ничего подобного. Стихи Виктора Авина хранят в себе столько неожиданных словесных и смысловых поворотов, столько ярких метафор, что их совершенно нескучно читать. И это тоже роднит их с путешествием – в дороге редко бывает скучно.

Одно слово тянет за собой другое, один звук перекликается с другим – все точно выстроено, как петербургская архитектура, в которой завораживает четкость линий, их графичность. Впрочем, все топонимы хорошо знакомы и жителям других городов: и Фонарный, и «Стачек», и Пять Углов, и Летний Сад, и Фонтанка, и даже река Оккервиль...

Содержание

ОТ ПЕТЕРБУРГА ДО НЕБЕС	5
2001 – 2008	7
1. Все сметая на пути	7
2. Расскажи мне, снежинка...	8
3. Дорога из Храма. По кольцевой	9
4. Я – петербуржец...	10
5. Веранда. ру	12
6. Орлик	14
7. С Новым Годом-2002!	15
8. Петербургский ангел	16
9. Примерно так всю жизнь прожил	17
10. В темпе Авина	18
11. Про мои буцы	19
12. Золотая осень	20
13. Воланд обернулся. И Аннушка снова пролила масло в кашу...	21
14. Вот и все – вот и падает время...	22
15. Я еще не сказал Вам о главном...	23
16. что это?	24
17. Гагарин	25
18	26
19. Любовь нечаянно обнимет...	28
20. Неродившемуся сыну из 8 вагона	29
21. Не умирай, мой белый аист, от тоски	31
22. Я желаю Вам состариться красиво	32
23. Вперед, за Сталина, за дом, за горизонт...	33
24. Когда ты медленно прошла, горячим телом...	34
25. Отчизны светлые черты	36
26. На Невском	39
27. Зайка моя (песни русского сервера)	40
28. Заверните меня в плащеницу...	41
29. Как будто жираф...	42
30. Идти по саду	43
31. Мир в пластилине	45
32. Звени звени моя бандура!	46
33. Я желаю нам легкой смерти	47
34. Непременно, он придет, откроет дверь...	49
35. Про пальмы (Л.А.)	50
36. Первокурсное	52
37. Неопознанный Лунный Объект	53
38. Прощай Верлен	54
39. Я камен	55
40. Сыну	56
41. Так жил никто в пустой хрустальной вазе	57
42. Куколка из Таллинна	58
43. Маленький ребенок собирает куклу	59

44. Настоящим сообщаю что я жив. ТЧК	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Виктор Авин

Миграция души (реальность начинает проступать сквозь слова) 2001–2011 избранное

ОТ ПЕТЕРБУРГА ДО НЕБЕС

У Виктора Авина – не только свой стиль, свой язык, своя подчеркнута индивидуальная интонация. У него – свой уникальный мир. И в этом мире – свои законы, свои причинно-следственные связи. В нем – не снежинка ложится на фетровую шляпу, а наоборот – шляпа попадает в мишень снежинки. В нем – «человек, везущий санки», уходит прямо на небо. В нем – «дядя: «умер ветер» телеграфирует стволу».

В нем – Ахматова, Конфуций, Чехов, Гейне, Гагарин и многие другие. В нем происходит много необычного – того, что может происходить только в стихах и нигде больше.

Последовательность стихотворений в сборнике неслучайна. Поэт, слов демиург, каждым новым текстом надстраивает этот мир. Название книги тоже глубоко символично. «Миграция души».

Поэт чувствует себя мигрантом, регулярно покидающим этот простой мир, ради путешествия в мир поэтический. И каждым своим текстом он приглашает в подобное путешествие читателя.

Он дает советы тем, кто в пути. А путь его – стихотворчество. Все очень просто: нужно только добраться до небес, а там уже совсем недалеко. Там подскажет Петербургский ангел. Потому что начинается этот путь мир поэзии в Санкт-Петербурге, ведь Виктор Авин – глубоко петербургский поэт. Об этом он признается в одном из своих стихотворений. Подозреваю, что программных:

«Я – петербуржец...
а это значит
мне запах дыни
приснится снова
во мне гордыня
и столб дворцовый
а это значит
мне на фонарный
а я на «Стачек»
уж близко утро
и небо с тачек
роняет пудру»

Беда многих современных поэтов – их стихи скучны. Здесь же нет ничего подобного. Стихи Виктора Авина хранят в себе столько неожиданных словесных и смысловых поворотов, столько ярких метафор, что их совершенно нескучно читать. И это тоже роднит их с путешествием – в дороге редко бывает скучно.

Одно слово тянет за собой другое, один звук перекликается с другим – все точно выстроено, как петербургская архитектура, в которой завораживает четкость линий, их гра-

фичность. Впрочем, все топонимы хорошо знакомы и жителям других городов: и Фонарный, и «Стачек», и Пять Углов, и Летний Сад, и Фонтанка, и даже река Оккервиль...

В общем, начальная точка пути определяется точно. Принципы движения проявляются походу... Смело открывайте эту книгу, решительно отправляйтесь в увлекательное поэтическое путешествие. Скучно не будет.

*Андрей Щербак-Жуков,
Член Союза Писателей России,
Председатель комиссии по фантастической и сказочной литературе при МГО СП
России*

Виктор Авин.
фоторобот, создан художницей Яра Пола, Чехия

2001 – 2008

Напутствие тем кто в пути:

«стих надо прожить 14 лет. или дней, потом писать 14 минут.»

© *Виктою Авин.*

1. Все сметая на пути

ветер бесшумно скользит по планете
его провожают деревья столетий
встречают седые вершины гранитом
и ловят поэты сачками магнитов.
ветер сдирает с деревьев корону
в гранитную пыль превращает Мадонну
и только в железных объятьях поэтов
становится звуком. И после, на этой
последней странице кончается рифма.
и ветер спадает – рождается Нимфа.
у Бога в кармане есть новые ветры
они нас догонят – подхватят в поэты
и мы понесемся опавшей листвою
среди миллионов таких же изгоев
вдоль стылой дороги, безродного поля
кривых деревушек, и девушек, стоя
рядами у стойла которые вечно
коров упражняют резиновым пойлом
и в нас заклокочет убийственной болью
звнящая рифма посыпанной солью
на рану из только что порванных ритмов
и ураганные темпы молитв
очнутся и где-то взорвется поэма
столь бешеным,
праведным,
северным
ветром,
что небо согнется и рухнет планета.
и Бог упадет на безгрешную землю
и Нимфа родит малыша с новой целью
и ветер помчится за новою вестью
и мама подарит мне маленький крестик.

2. Расскажи мне, снежинка...

Расскажи мне снежинка, что ты видела,
падая вниз?
Как моя шляпа из фетра ложилась точно
в твою мишень?
В перекрестье ловила меня и поэтому
такой кристалл?
По нему изучаю я свой будущий в лето
на карте путь.
В завершение которого забуду я шляпу
надеть привстав
И она останется на скамье «окрашено»,
накрыв июль
И девочка с мамой сейчас идет и ей говорит:
Это не просто сугроб, это просто потом
мужчина упал.

Расскажи мне снежинка, что ты видела,
падая вниз?
Как летели вдогонку камня и ангелы наперерез?
А ты все кружилась, чертя и метя в мои следы
Но села на шляпу, которой на мне пока еще нет.
Нет и меня уже здесь, за пазухой я еще!
Карманы не вывернуты и не вершатся
события, вниз
Ступает женщина по лестнице в лета
(карниз на карниз)
И девочкой смотрит наверх – сугробов
пока еще нет...

3. Дорога из Храма. По кольцевой

*«Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою...»*

А.Блок.

По кольцевой.

Не только мальчик в церковном хоре —
сосед и мама
Шли по дороге, дороге в небо, дороге из храма
И в то же время шли в церковь Боги, Отец и Дама
Всех ждал там старец под балахоном
с крестом-наганом
А на заборе в юбчонке-нахлест
в комок — девчонка
Уже плохая, еще не птица, еще без шрама
Ждала не ветра, а балабольного урагана
Поэтка Маша, над тропкой к вечно пустому Храму.

Бог не доходит к нему, оттуда все улетают
И кружатся вечно над колокольной
паленой сваей, —
Сказала девочка вдруг, подсевшая к Маше скраю
И машет крылышками и перышки в свет макает...

4. Я – петербуржец...

а это значит
мне запах дыни
приснится снова
во мне гордыня
и столб дворцовый
а это значит
мне на фонарный
а я на «Стачек»
уж близко утро
и небо с тачек
роняет пудру
и солнце ало
висит не грея
чуть ниже ватер —
залива линии
его подымет
мой медный Петр
и отымеет
в окно европу
и не оставит
росинки маковой
врагам Ахматовой
и льдинам паково
от опыта Распутина
от топота ног Путина.

и я жил не мало
кричал «на мыло»
немного видел:
ломало льдины
тек рубикон
стояли розы
но за гардиной
часы местами
не разводили
буксиры плыли
в морозной дымке
а это значит:
в снегу лежали
богами сфинксы
все как обычно
и лишь собаки
еще не знали
что начинается
их праздник жизни.

и им покатит!
на импекс-банки
наденут платье
и эполеты
Екатерина
в саду задышит
и с Достоевским
закажем столик
я – Петербуржец!
я вижу крыши.
а это значит
бог дал мне
крылья
и этот стольник.

5. Веранда. ру

не верь, не бойся, не проси
не клюй на рифму» иваси»
за ней по следу эскалоп
подаст из мяса эскулап
не бейся об печной заклад —
под сажей утренней зари
подсажен питерский пассаж
в нем не ведись на крем «не вей»
на лицах женской матросни
не верь не бойся не труси
за Кондолизой вдохновенья
и Дунет дух стихотворенья
в саду малиновым вареньем
осенним, тенью осенённым
днем всех еще пока святых.

не верь не бойся не проси
бегом петляя между яблонь
два раза в ямочку от яблок
не попадают семечки
не херь их – имя не хрустит
пока еще в печи не протвинь
в горшке пока душа – не щи
за боком бога не ищи
огня, угля и дым от пестни
о взрослой жизни в равновесьи
с беспечной слюной на губах
оря вовне «аннЯ, аннЯ»
лопаткой по ведру стуча
беги, беги в Бездомный Дом
там ржут горячее с холста

и пьют с листа стихов росу
два беззаботных воробья
пока дымок идет с веранды
варенье варится в ведре
и жгут в саду пожухлых листьев
когда-то бывший муравейник
из рифм, слов, ветвей-стихов
холодным снежным озарениям
не верь. не бойся. не проси
в такой торжественности стэплер
стучит об ствол крепя обя. —
смешные звездочки побед
по сбитым ночью воробьям...

6. Орлик

доскачи до небес, Орлик!
надо же ребенку знать правду —
каково это ком в горле
если видишь теней травы
полыхание ветр солнца
и растянутый след гривы
доскачи до небес, Орлик!
до крыльца этажей нижних
там овес подают спелый
запрягая на путь дальний
удила и седло правят
из гранитного мне камня
там мужик в пиджаке пальму
из тучи тащит пиров-первенств
доскачи, наш гнедой первенец
и узнай – как я там – за далью?
что-то слишком ты стал статен
да хранит тебя Бог-телега
Орлик, Орлик, не слушай сватью
пусть женой тебе станет небо
пусть отпустят тебя к кромке
знаешь, здорово над оконцем
полетать ветерком тихим
Орлик, веришь – бежит Лихо
по А.Блоковскому ипподрому
закуси удила, милый
ты же сын наших мечт опальных
знаешь сколько в тебе силы?
ты не дай подойти сбоку.
Доскачи до небес, Орлик
погляди в глаза смерти-правде
а моргнешь – подстелю коврик
а заржешь – закуют, Орлик
значит есть еще рябь в глазе.
доскачи до небес, воин
им там нужен, пойми, скачут
вместе с нами индейцы аппачи
видишь – крепко в руке топорик...

7. С НОВЫМ ГОДОМ-2002!

Каждому столу – ведро салата!
Каждой ложке датливость лубка!
Каждому в подарок по набату!
Каждому народу – седока!

Каждому счастливому по Путину!
Каждой цели в задник – акварелью!
Каждому поэту по Дуэлье!
Каждому бандиту по стиху на грудь!
– Будь!

Каждому ползущему – вселенную!
Каждому летящему – дыру!
Дьявола сто лет кормить варением!
Богу – милый прыщик на носу!

Каждой девушке по Юрию Гагарину!
Каждому мужчине по Мерлин Монро!
Каждому крестьянину по барину!
Барину – Иисово чело!

8. Петербургский ангел

Ушел на небо человек, везущий санки.
Он призраком ходил все эти годы
И у Пяти Углов делился коркой хлеба
И у пяти углов садились с неба чайки
На пять теней, и уносили тени к Богу.

Ушел на небо человек, везущий санки
Случилось это чудо в прошлый понедельник
Когда все тени в Петербурге входят в полночь
С Александринского столпа спустился ангел
Крылом у входа в Летний Сад разбил он вазу
На счастье.

У Петербурга больше нет плохой погоды
Пусть твои санки постоят на постаменте
Играйся с ветром возле памятника, Петя
Не бойся, мальчик, у Пяти Углов нет тени
С Александринского Столпа не затмевает
Крылами больше землю ангел, ненароком
Он с временами, среди нас, он Случай, ночью
Когда глядит в кровать из неба глаз вороний
И петербургский ангел крыльями хлопчет...

9. Примерно так всю жизнь прожил

примерно так всю жизнь прожил
кружил пятак, «шесть-шесть» – царапал
после него махать жесть крыш
могла без помощи пацаков

примерно там, во тьме зеркал
он зарождался, вод слюду
как кисть наматывал на ось
могучих волн, молол в крупу

гранит – манн мутных скорлупу
в муку – туман теней людей
тянул те баржи к бурлаку
чтобы обулся он, летел

примерно так всю жизнь прожил
затих Акелюю в лесу
дремучем, дятел: «умер ветер»
телеграфирует стволу

и сосен корни так гудят
что в море волны лоб об лоб
из них до неба ветра столб
вот так и я. я не умру

примерно так всю жизнь прожив
кружил пятак, я: «шесть-шесть-шесть»
после меня махать жесть крыш
могла без помощи людей...

10. В темпе Авина

Ямбы, зомби, линий стаи, мягкий почерк
звонче стали,
самбо, ноты, пишем, таем, над стокатто
восклицаем,
Под вопросом знанье темы, девы, демон,
вкус удачи,
На охоте в малой Охте на кровати в той
палате
Где над стенами – планеты, под столом —
пустые рифмы,
На столе бутылка водки, сводки, цифры,
диаграммы,
Кредит, сальные убытки, томный крик,
цепочка, нитки
Вен, нейронов, децибелы и октавы
криков, звона
Журавлей, и под вуалью смеха только
после плача,
Палачей икота, рвота, клип «Негоды»,
сверхзадача —
Указать планете эллипс, отвернуть луну
и солнце
С потолка у самой люстры и прибить их
над кроватью
Вместо крестика и жути пустоты желаний,
сути,
Вольной жизни, пьяной смерти, и на
черной беглой точке
Синих глаз пятнистой лани замереть.
Лежать в тумане освежая чью-то память...

11. Про мои буцы

Пора воззрения менять на подозренье
что одуванчики не лампочки на поле
вокруг полянки, на которой кукурузник
стоит задиристо, согнув кривые ноги
задрав свой нос и подбоченив крылья
а одуванчики – пумпончики на тапках
и с них слетели уже гномы с парашютами
их держит ветер на своих прозрачных лапках
и пусто между крыл у кукурузника
нет книг на этажерке, нет инструкций
из двери на борту глядит Конфуций
в потертом шлеме, в галифе на босу ногу
в футбольных гетрах (для пилота кукурузника
что неестественно), естественно, глядит
на мальчика пшеничного в подгузниках
играющего с грузом в «динамит»...
и винт сработал неожиданно и сдуло
как ветром гномов, и заткнулся хор кузнечиков
траву пригнуло и видны всем стали буцы
и ахилесовые пятки чьей-то женщины.
И кукурузник улетел. Поют кузнечики!
И в мареве трава стоит по плечи нам...

И мы стоим, два облетевших одуванчика
а перед нами сын играет на диванчике...

12. Золотая осень

Ветви оголятся до первокреста —
Упадет осина и предаст листва
Поперек колейки, поперек шоссе —
Осень наступила – так узнают все
Золотая осень, в серебре трава
Длинноноги лоси, на рогах луна
Мраморные волки, застывает лес
Обагрится кровью, задрожит окрест
В тишине дорога и не слышен треск
Он не прорисован – в этом месте холст
Порван когтем кисти... над дорогой мост
И беззвучно мчится бес по кольцевой
Откуда бес в России? – А шум и города?
Может и прижились – широки поля
И тоска такая, что завоет Бог
Нарисует счастье – белый гриб и мох
Пурпурного цвета, а на нем бруснику
А на ней росу, да секрет под ней —
От сосны иголку тащит муравей.

Осень золотая да бетонный скит
Тихо, дорогая. В доме лихо спит.

13. Воланд обернулся. И Аннушка снова пролила масло в кашу...

А гуси летят и летят – я их вижу
они пролетают сегодня над Кижами
и клёкают, клёкают, клёкают, клёкают
и крыльями воздух качают мне в легкие.

А осень летит и летит – уже вторник
она как всегда для поэта не вовремя
и окает, окает, окает, окает
и Душу заплатками-листьями штопает

А время зависло над кроличьей норкой
Алиса стоит на карачках у шторы
и охает, охает, охает, охает
и тает с улыбкою йошкиной кошки

А каша уже для младенца – на ложке...
И я обернулся.

14. Вот и все – вот и падает время...

Вот и ... снег, да конечно же – снег!
Замело избы Штольца, Фонтанку...
Отмотай, отмотай бинты с Данко
Полустанки весне пересдай.

Лай, лай лето под трели кузнечиков
Под парными ночами поспей
вот и ... сено, в солому, конечно же
Превратишься, ишачья постель.

Вот и ... СВЕТ! Русский! Яркий и белый!
Жмутся ангелы в стаде бок-о-бок
А под ветками – рыжие белки
Огоньками, да дятел как обухом:

Тук-тук-тук... отмотай, отмотай
Берестяных обоев молитвы
Чтобы клюв мой разбился о плиты
Нас за ними ноябрит февраль

С високосною красной рябиной!
С сенокосной прекрасной порой!
– Шо за фрейд, мой болезненно-милый!?
– В феврале собирается время

Чтобы течь под зеркальной фольгой...

15. Я еще не сказал Вам о главном...

в моей тайне еще есть секреты
я еще полугений, как Гейне
я еще и не Чехов – Полоний
в моей наполеоньей балладе
не отточены звуки и смыслы
и углы не заточены в Доме
декорации сада нет в драме
со стихов не бегут еще крысы
но я в памяти крыши не краше
в борозде основательней, глубже
и постель моя – теплая пашня
и страна моя – голое тело
и столица где обжиг на ужин.

Я еще не сказал Вам о главном
а спина моей Родинки – в белом
а на зеркале утром: «ты нужен»
и отчизны любовь ко мне – в записи:
«спотыкаясь о звуки и брюки
убегала в колонну парада
от Дали его женщина Гала...»
Но не факт что я буду Вам мужем
после пакта любви с Рибентрупом
моей Родины и буду разбужен
герцем звука, «НЗ» шок-N-ладана.
Я сказал Вам о главном. Так надо.
А теперь я скажу Вам о главном:

С кухни признаки – тонкие запахи
и забытый на столике столик
в косметичке – ракета-помада
мне расскажут о главном – вернешься
потому что без макияжа
без меня и без денег свихнешься
в перелете
.... космическим
клином.

16. ЧТО ЭТО?

золотой, с прожилкой перламутра
изнутри светящийся породой
что это? – вот возгласы народа
невозможно устоять перед желанием
прикоснуться к его волнам – разливает он
внутри плоти человеческой, безвольным
уплывающим, во власти чуда, телом
безмятежное сознание не владеет
оно тонет сахаристым, отражаясь
застывает неолитовым оттенком
он все большее пространство обвивает
заволакивает, лижет, может сразу
счастьем обернуться и соблазном
подчиниться – быть навечно его плазмой
его частью и входить, владеть иными
ощущая себя полностью безвольным
и размеренно покачиваясь волнами
отлетать в потусторонний мир гармонии
там в садах аллеи бликами заполнены
изредка, цветов среди и бабочек
по краям дорог из сгустков его лавочки
и прозрачный, колыхающийся воздух
вдруг прорежет сталь столь чуждого здесь
возгласа:

«Встань! Беги! Спасайся!»

Однако, поздно уже
золотой, с прожилкой перламутра
изнутри светящейся породой
ты слетаешь вниз, на землю, на дорогу...

17. Гагарин

Она испуганно шарила ручкой
И головкой вертела спросонья
У окна он раскуривал трубку
И разглядывал птиц на балконе
Она падала вновь на подушку
И ей снились фламинго и Гагры
Он сжимал на груди своей пуфик
И менял воробья на след спутника
И с трамплина летал как Гагарин

Она шарила снова и снова
Он ложился – она затихала
А в прихожей их рыжая кошка
Залезала в огромные туфли
Впрочем, зонтику это же пофиг
Не складной он – как все парашюты
Ну а утром – халатик и кофе
У окна она – чешет животик
Он идет по дорожке к машине
Его ждет у машины солдатик
Брюки черные, черные туфли
Даже губки завязаны в бантик.

А он идет и идет по дорожке
А в сугробах застыли фламинго
А из шкафа скелеты любовниц —
Терешковы. Спит рыжая кошка.
Она спит. Продолжение фильма.
Сцена ревности: она над трамплином
Летит в Гагры и чешет животик.

18

Франция, вечер, в порту Де-Кале.
Франция, вечер, в порту до колен
В ожидании груза на свежей волне
качается флагман святого Петра.
На вахте двое – я и Левин
Николай Иваныч
с картой мира на волосатой спине.
Да еще на стекле за приборной
доской
дрожит босой рыжеволосый мальчик
(это наш рулевой). Он все время
спешит за столярным клеем
в мастерскую отца. Юнца
держит за пальчик милая дама
и читает стихи.
Изящными при этом являются:
линия ее бедра,
пульт режиссера,
и светло-зеленые большие глаза
Эллеоноры Штейнцаг
(сорокалетней уборщицы),
которая в такт
падающему на пол рулону ковра
медленно шепчет вместе со мной:
вершится казнь, палящий зной,
со страхом, страстью и мольбой
простерлась степь перед грозой
раздались неба створки губ
в преддверье мук
чуть вздрогнула зеленая листва
и полон мир до дна
и вся в слезах трава
навзрыд кричит струна
и влажные, огромные глаза
звезды
что истекает трепетно росой
вбирая чуть дыша
движение прохладного дождя ...
Кончив, Эллеонора тихо улыбается.
А на вопрос – что это было во сне?
Я отвечаю – да так, просто,
некоторые слова
и открываю окно ...
... Ах, что за граница – эта красная линия
Ватерлоо!

Ах, что за границей творится!
Там ветер гуляет по крышам
там падают листья и люди
по принципу «домино» – вдруг выдает из
эфира
божественно алый «Бьюик».
Он совершенно внезапно возник
и включает иллюминацию.
А, впрочем, зря. Поскольку становится
видно,
что все это лишь декорация
в прохладной нише театра «Гранд-Опера»,
где на дощатой сцене
небольшая резиновая актриса
поет сопрано: «Я вызываю ноль пять, я
вызываю ноль пять!»
веером раздвигая смысловую нагрузку
до неопишуемых границ.
При этом она делает сальто вперед
и выпадает в уже открытое мною окно. Но
залетает обратно.
И так все время – туда-сюда, туда-сюда ...
Сцена последняя – где рождается Бес.
Взрыв, пожар, катастрофа, хаос.
Всюду витает запах нефти, электричества
и завершенной любви.
Звучит тихая органная музыка.
И ангелы в белых сутанах
плавно стекают с небес – у них столбняк.
Внизу шелестит как будто прибой,
это в позе «Миг-29» взлетает
Эллеонора Штейнцаг
и зажимает бесстыдно ногами
божественно-алый «Бьюик»
(им оказался наш танкер «Стальной»)
Она – эффектней орла, звезды и серпа
и красно-белых полос
а навстречу ей летят матросы
и с диким «УРРА!» поднимают
наш гордый Андреевский флаг ...

19. Любовь нечаянно обнимет...

Любовь нечаянно обнимет
когда в нее совсем нажмешь
и так хорош
по телу бархатному мехом
от норки до сердца сведешь
любовь с кормы и якорь выдрет
твой парень руки в брюки клёшь...

Любовь нечаянно обнимет
когда ее за лес возьмешь
и нежно словно голубь клювом
коснешься сосце – кинет в дрожь
от напряженья ягодички —
сомкнувшись сдавят лепестки
и так хорош что прыгнет лифчик
на поседевшие виски...

Любовь нечаянно обнимет
когда ее оглушит «пли»
и в губы сцедит словно с вымени
горячей струйкой бель зари
когда в глазах ее огромных
сноп искр-звездочек горит
и так хорош что говорит...

Любовь нечаянно обнимет
когда ее в последний путь
с собой наймешь, и там остынет
лишь я по трапу вниз спущусь
любовь нечаянно на грусть
свою наступит, на граните
прочтя «здесь парень – брюки клёшь»
в венке на память мне оставив
свою оброненную брошь —
И так хорош...

Любовь нечаянно обнимет
когда ей этот стих прочтешь,
любовь нечаянно порвешь
и больше парня не обманет
он так хорош
он так хорош...

20. Неродившемуся сыну из 8 вагона

Когда-то здесь по радио объявляли: «Воздух!»
Вчера здесь почил на волне «Маяка» Бачинский
А в катакомбах бомбоубежищ – ночные клубы
Там бьют колесами децибелам в иссохший
поддых.

По залитой кровью Площади в воскресенье
Лед заливают сегодня – таков период
Каток для катаний на месте катка истории
Все правильно, мальчик, без головы орлиной
На месте крутя колеса рабочий в синем
На сложном экране лечит больной мой хаммер
Когда-то левой колодца с броневиками
Здоровался всеми статуями на крыше Зимний
А что же будет потом здесь, мой милый
мальчик?

На месте, где в дыры в небе смотрел Исакий
И возле колонн щербатых был частокол
зениток?

Обязательно вырастет сад и такой подсолнух
Что накроет собой и спасет вас, птенцов
конопатых

Если, правда, мы не успеем сожрать с
голодухи

Отцов наших посеянные ими злаки
И газенвагены не задушат трубами восковые
фигуры

Чтобы не мучились больше вопросом вечным
Что лучше – чистая прибыль или чистый воздух
В Городе десяти миллионов, которых просим
Из кунсткамеры на волю не выпустить после
кражи

В одноклеточный офисный зал нас-детей
барсеточных

У которых в геноме хвост из замашек барских.

Я передаю вам ключи от Города, дети Солнца
Наверное, вы растопите на речке Оккервиль
Нам лишь хватило воли поднять нас, падших
А за Городом русское поле так просит пашни
И пожаров – уставшие падать кривые домики.

Мой мальчик, я так хочу сделать тебя счастливым
И воздуха полной грудью вдохнуть, и в Город...

— —

р. с. пояснения к стиху: на Дворцовой площади
однажды зимой был залит каток, после разбора

забора вокруг Александринского Столпа выяснилось что со старинной ограды вокруг него исчезли наконечники в виде орлов; реставраторы Исакиевского Собора сохранили для истории выбоины на мраморных колоннах, оставшиеся после падения рядом авиационной бомбы во время блокады; прямо напротив Смольного чуть было не построили небоскреб.

21. Не умирай, мой белый аист, от тоски

Не умирай, мой белый «аист», от тоски
Не умирай – еще горят твои соски
От прикосания, от спермы до зари
От поцелуя в зубы, в сую и в висок
Не вымирай, мой друг-подруга, «мотылек»!

Оставь мне это дело для души
Оставь мне свое тело и туши
Картофель с мясом или клубни без ботвы
И кровь с полосками говядины-стихов.
Не умирай, ведь знает дверь – я был таков —
Твой ласковый и нежный тайны Чаун.

Ты дайся выпить, сделай сюр из сигарет —
Ных дымов милого отечества, давай
Не умирай – забеломорю и вернусь!
Не умирай! Ты – поэтесса, я – твой грусть!
Чтоб мы состарились, сидели на тахте
Не умирали – ели: «хрусть-да-хрусть-да-хрусть».

Не умирай мой белый аист от тоски!
Еще так влажен между ног колодец твой!
Еще подвой мне утром: «ой-кукаре-квох»!
Пока не сделаешь в скирды пике «кирдык»
Пока учу тебя: «курлык-курлык», мой Бог!

Не умирай а улыбнись (ыбысь-ыбысь —
Я эхи делать буду), эки ты летишь!
Не умирай, вернись, вернись, вернись, вернись
Замри иконой под оральным потолком
Мой белый аист, ставший черным от тоски.

Не умирай когда прочтешь и этот бред.
Не умирай, а просто выключи нам свет.

22. Я желаю Вам состариться красиво

Я желаю Вам состариться красиво!
Без подтяжек щек и утолщений губ
Словно липа или деревенский сруб
Что остался у пруда с плакучей ивой
В ожиданьи с неба песни лебединой
У разбитой колеи за горизонт.
Я желаю Вам в дорогу тихий звон
С колоколенки, внимающей окрест
И протяжный низкий вой по Вашу честь
Пса, входящего с поземкою в оркестр
И поднимающийся занавес лиловый
Пусть откроет сцену таинства; конечно
Я желаю Вам по капле жизни вечной
Что в глазах застыла словно вечный снег...

23. Вперед, за Сталина, за дом, за горизонт...

Насыпь махорки мне, товарищ капитан
Еще дымится вдалеке немецкий танк
Еще ползет с майором по полю сестра
Хоть и погасла жизнь в его глазах.

Нам надо с нею еще деток настругать
Им до Берлина еще двести лет ползти
Чтобы узнать, кто взял в последний раз Рейхстаг
Молчишь? – Молчи...

А тишина такая! Снайпер-соловей
Пробил мелодией седеющий висок
И под березой утром свежий бугорок
Сравнивает с небом дым от наших папирос...

Насыпь махорки мне, товарищ капитан
Я оторву от края времени клочок
Мы на двоих забьем последний наш бычок
И побежим в атаку, пулям на таран

Вперед, За Сталина! За дом! За горизонт!
Готовься, ночью приползти ко мне, сестра!
Я буду в новом блиндаже, на облаках!
Мы посидим, тихонько греясь у костра...

24. Когда ты медленно прошла, горячим телом...

Я вспомнил запах скошенной травы!
Она волною только что играла,
и профиль ее выгнутой спины
ладонью щекотал июньский ветер,
и «Иван-чая» маленький букетик
ворона прятала под крышу, плача,
когда я вспомнил запах скошенной травы,
листы каталога одежды от «Версачи»
перебирая воином «аппачи»
в ногах у глянцевого натурщицы бутика.

Когда ты медленно прошла, горячим телом
едва задев мои бурлящие флюиды,
я надкусил плоды у будущей победы!
И я вспо'мнил запах скошенной травы!
Когда вот только что, на срезах капли сока,
и в душном мареве испарина земли,
и звон бруска о лезвие косы,
обратный ход,
движения в такт,
и хохоток
идущих баб
за косарями,
по колкой выбритой земле, с граблями,
и птиц, сводящих мужиков с ума
своим стремленьем увести их от гнезда.

И длинноногий контактёр – кузнечик,
сидящий под одеждой, на плечиках,
бросающий свой треск в хоры, на ветер,
должно быть, тоже в это время вспомнил
и звонкий смех девиц в коротких платьях,
с напевом, целый день снопы творящих,
избы иссохшие за годы жизни бревна,
чернеющие, в трещинах; оконные
некрашенные, в грязных стеклах рамы,
красивое лицо бабули Тани,
колдунии, известной всей округе...
Я вспомнил запах скошенной травы!

Я вспомнил дерево шершавое на козлах
и зубы той извиистой пилы,
когда расписывался мой злаченый паркер
за узелок с одеждой, у колонки,
в которой перекачивают звонкие

монеты.

Я вспомнил себя маленьким мальчонкой,
хватаящим шлифованные ручки, лемех,
и в плуге,
уткнувшись в фундамент, столько силы —
я вспомнил!

К венцу приставленные силосные вилы,
высокое крыльцо, и гаммы,
овеществленные в крестьянском снаряжении.

Я вспомнил сени
и запах дуба в теле толстых бочек,
и конской черной гривы клочья,
и седел кожу, хомутов,
поленья дров,
и половиц качели
ведро с холодной ключевой водой
у самой двери. Я вспомнил – гений
Строителя-крестьянина поставил
в стыкованном космическом причале
загон для телки и быка, свиней, курей,
два места козам.

И смесь парного молока с парным навозом
я вспомнил, убиваемый «Клема» —
такими нежными, и древними духами.
Должно быть, Музы их потрогали руками
пред тем как ты осмелилась войти.

...Я вспомнил запах скошенной травы!

25. Отчизны светлые черты

на лицах женских, на трамвае
спешащих утром от сарая
отъехать в розовую мглу
тумана, морось в капиллярах
на рельсах лужица воды
и осень молча все лады
Души моей перебирает.

Отчизны светлые черты
на дряблых скулах у мужей
они стоят у фонарей
на остановке, запуская
тепло пузатого трамвая
в открытый ворот у бушлата
и с папироскою в зубах
глядят на листья под ногами
что пахнут домом прелым, щами
мозоль-подшипники в ладонях
катая, дергают словами-
клещами гвозди на заборе
между тюрьмой вселенской волей
из заводской трубы с гармонью
цветной петрушка в небеса:

НЕ ПЛАЧЬ, НЕ ПЛАЧЬ МОЯ ДУША

Отчизны светлые черты
на лице брошенного пса
он вверх глядит, слеза стекает
бежит на станцию «Ланская»
через дорогу, к электричке
возница мой, не по привычке
а поклонясь, на тормоза
нажми – собаку ждет «лиса»
что у хозяина в сторожке
скулит, давно уж на цепи...
Отчизны светлые черты -
тоскливо бегают глазища
рябит «Осиновая Роща» ⁽¹⁾
по пролетающим вагонам
назад несется пес к Мадонне
чтоб замереть младенцем в доме...

¹ «Осиновая Роща» – предместье Петербурга, по пути из Выборга, одна из ступеней спуска с высокой карельской, древнейшей гранитной

ОТЧИЗНЫ СИЛА ТОЛЬКО В ЛОМЕ!

о дух захватывает – тайна -
на горизонте стынет чайник
огромный, в яблоках моченых
деревни-пни возле корчевни
в бока холмов леса от лени
уперлись ляписто, огниво
так жгет: Так криво, криво, КРИВО!!!
На пленке окоющих окон
чуть городское бьется током
ТЫ НЕ СХОДИ С УМА – С ТРАМВАЯ!
Ты не сходи – там люди лают!
Сиди в плацкарте электрички
темно, уютно, бьют колеса
не зажигай пред ликом спички
сосед твой слеп – одни глазницы
а в голове терновым – спицы -
клещами тащит доктор «Лицын».

Не заходи в последний тамбур -
в окошко дверцы пес глядит
на задних лапах – умер стоя
Отчизна воя до темна
гудком на небо провожает
в сторожке юная «лиса»
лакает из чугунной миски
плеская жизнь через края...

платформы глубоко вниз, на плоское как стол,
космическое плато Города – заасфальтированное
болото, дно котла, который наполнен
монументальной, тяжелой космической энергией.
В отличие от холмистой, бурлящей, бесшабашной
Москвы, испускающей пузыри и протуберанцы,
Петербург – это постоянный космический
энергетический огромный шар, нитями уходящий
к другому центру вселенной. Спускаясь в
этот котел с севера, путешественник ступает
вниз по нескольким ступеням. Одна из них –
«Осиновая роща», где автомобильная трасса
делает резкий спуск вниз, следующая ступень
– Поклонная Гора уже в Городе, в начале его,
где Петр Первый принимал дары от поверженных
шведов, где находился Блоковский ипподром, где
озера, у которых фланировали дачники глядя
в лицо идущему навстречу с космосом Блоку,
сотворившему в Шувалово на дачах свои лучшие
– белые стихи ...Далее прямая как луч дорога,

делает еще один скачок вниз, к уровню морского ординара, и эта ступень – перекресток Ланского шоссе и пр. Энгельса, слева темный, забирающий и отдающий энергию лесопарк, справа ресторанчик «Семь Сорок», над дорогой – железка, ведущая к Финскому заливу облизывающему, охлаждающему космическую энергию Города. По прямой, далее затяжной, долгий, пологий едва заметный глазу путешественника спуск словно стрелы дороги к Неве, к Литейному мосту и «Большому Дому» (аналог московской Лубянки)...

Это пространное географическое пояснение, надеюсь, поможет прочувствовать зримость данного стиха.

26. На Невском

На Невском полдень, океан, прохладно, лето,
Плывут бортами расходясь шаланды, где-то
Вдали рогатый пароход маячит, чайки
Стоят на пристани и ждут когда прибудет.
В холодной дымке, опустившейся на берег,
Плывут потоки лошадей, барашки, пена,
Чуть поднимаются от волн – как будто лица,
И разбиваются о стены-скалы. «Пицца»,
«Одежда», «Обувь» – гроты волны поглощают,
В подземку сдвинут переход с плитой надгробной,
У входа двое, поперек волны, течения,
Стоят и слишком старомодно обнимаются.
А, впрочем, нет – они друг друга просто держат!
Их лица в вечности, вне времени, в морщинах —
Соленый пот и слезы, брызги волн, обиды,
Налет блокадный – отражают просветление.
Он поднимает воротник ей, тронув губы.
Она в ответ едва заметными движеньями
На шее шарф его потертый поправляет...

27. Зайка моя (песни русского сервера)

зайка моя зимушка
ушки да хвост – холмики
в лапищах ели шы'шки
в небе трешшыт ой да
на' холоду Всевышний
запах смолы на теле
бочек да хрусты снега
и огурцов с капустой
постно в лесу и пусто
тихо поют на сервере
песни русского севера
грустно бля'стит иней
на клавише да в щелке мышки
лось-губошлеп в передней
понуро стоит. Свищут
охотники да их стрелы!
во'лки идут к избушке
во'ют – избушка мелит
а из трубы трассируют
бабы-яги на метлах!
на перекрестке в гетрах
движенье по небу правит
гномик – от для зобавы
ставит «зеленый» бабе
и де'ду Морозу, грабле!
подня'ты! – закрыт шлагбаум!
едет к нам поезд – ВАУ!
везет кока-колы ящик.
Иванушка его не обрящет...

28. Заверните меня в плащеницу...

заверните меня в плащеницу
пусть проявятся хвост и копытца
заверните меня в лист капустный
пусть в прожилках пустоты хрустнут
заверните меня в фотопленку
пусть проявится плач ребенка
заверните меня за уздечку —
у кобылицы сегодня течка.
В млечный путь, моя подруга, в млечный путь!
Дай нам воли – мы покатаемся как ртуть!
От порога до пологой до горы
Догорать на пепелище у звезды.
В млечный путь, моя подруга, в млечный путь!
Дай нам водки – мы отправимся тонуть
От извилистой реки до дна по грудь
И взболтаем горя илистую муть.
В млечный путь, моя подруга, в млечный путь!
Добеги одна, до Веги добеги!
А я буду вслед губами ветер дуть!
В млечный путь, моя подруга, в млечный путь...
На имя не иди, на отклик – кайся.
На спину впереди не опирайся.
На волю не играй, играй на долю.
Настойку не давай из крови пролитой.
На имя не иди, не одевайся.
Придет Она сама. Ты кайся, кайся...
Ангел это девочка с корзинкой,
Банджо это воля диких прерий.
Верь мне – это мысли из материй
А любовь – побег за паутинку.
Вот. А бывает там. Догорает то.
Год. А бывает так. Добывают зло.
Врет. А бывает нет. Но всегда кричит.
Лед. А бывает жжот. А бывает – скит.
Вот! Не бывает так! Чтобы вдруг без драк!
Жмот! Он мне дал пятак! Обещал сто лет!
Плод! Он не твоя смерть! Она утром спит.
Бог – это не костел из рам! Это крик и стыд.
Но бывает так. Полыхает то. И вон там стоит.

29. Как будто жираф...

А ты посмотри как у зебры, нет, ты посмотри!
Не хвост и не кисточка – страхом налиты глаза!
Беги не беги только испорты будут бока
Через секунду полета по треснутой, впалой земле.
А белые полосы черным – так Африка! Это пройдет.
Как будто жираф....

А ты посмотри как у зеркала, ты посмотри...
Не трещинки-пятна, морщинки у проклятых глаз!
Беги не беги, только хлопнуть осталось мне раз
Ресницами об цветовой бока семи струн.
А белые с черным слова – это Африка! С кровью пройдет.
А ты посмотри наперед, только ты посмотри!
У льва, что бежит за тобой вместо гривы – трава!
Подкованы веки и в пасть удила – поделом!
А ты посмотри как горит на заре он, красивый, подлец!
И белые с черным – ОНИ вдалеке! Это Ад, или блеф.
Как будто жираф.
Как будто конец

30. Идти по саду

в жару ангиной заболеть и волоча ногами
идти по саду шмыгая сопливым носом
и чувствовать озноб и ломоту, и задаться
вопросом
и ватный мир вокруг раздвинуть медленно руками
и заглянуть в зыбучее пространство меж деревьев
и рассмеяться – вдруг я умру сегодня от ангины
– я?
Вот будет мило. И прыгнуть с места,
как в детстве, через штакетник ростом по колено
и упасть
поскольку передумал отмотать от ног
последние пятнадцать лет и потирая голень
прижаться к дереву и меж лопаток
почувствовать сучок от ветки от которой
остался лишь один сучок. И оттолкнуться от
ствола
припасть к стеклу приплюснув носом
смотреть в глаза сидящему на кроне
прозрачному андроиду и думать
о слиянии его с пространством. Чихнуть
и вытереть ладонью лоб от
липкой и болезненной испарины
встать на колени, точнее на карачки
и заглянуть в траву примяв ее ладонью
и крикнуть в норку что в амбаре недостача
спугнуть дюймовочку поставив на тропинку
внезапно палец, убрать свой палец чтобы
отодвинуть
с пути ее валун, свалившийся с небес
и с оттопыренным карманом вернуться к чаю. С
медом.
Нарезать ломтиками в сладкий дымкий чай
и ощущать на языке приятный вкус ошпаренных
холодных долек белого налива
не ставшего запасом у крота
что вынудит голодную Дюймовочку сбежать
и поселиться на моей веранде – однако!
Чихнуть и улыбнуться и выполнив свою задачу —
ни дня без
помощи сиротам чихнуть три раза
и в телевизор не мигая смотреть и чувствовать
как холодный градусник становится горячим
глазеть на сочный рот Наталии Ветлицкой
поджав колени, и под пледом помочь яйцу

вернуться в положение лафета для мортиры.
И чувствовать как набухают вены на руках,
Грохочут воробьи на жестяной трубе
от водостока, оса бессмысленно стучится об
стекло
побеленные недавно яблони уже давно
чернеют медленно от ветра. Зябко. Лето.
Ангина в августе. И горсть таблеток.

31. Мир в пластилине

Я. Задумка. Пластилин. Все уложено в коробку.
Вылезаю из под крышки, начинаю заготовки.
Шарик, ленточка, веревка, змейка-тропка,
окантовка
Черным цветом в поле сочном – зеленеющий оазис:
Маки, желтые тюльпаны, ели, пихты и бананы,
Можжевельник, кактус, пальмы, по краям
солончаки.
В центре поля, на картонке, на холме стоит
коза.
Родная!!! Падает. – Перевесила береза.
Убираем полствола,
добавляем одуванчик (кривовато),
Под березой – деда в шапке,
под холмом – солдаты в касках.
Проволо'ка в три ряда. Танки, речка, а вода
В ней холодна-а-я-я! И такая синяя-синяя.
А на линии огня Ванька спит? – Да не похоже!
Надо голову ему уронить на телогрейку.
Ага. Вот так рожка! Над ним солнце. Жарко.
На горизонте избенка, банька, жинка
Достает из погреба криньку.
За плетнем Матвейка – внук бегущий.
У него глаза навывкате. Что-то дедушке кричит.
Включаем звук: «Нам письмо из Во-ло-гды-ы-ы!»...
Ай да мир из пластилина!
...Чудны дела твои, Господи, в палестине.

32. Звени звени моя бандура!

звени звени моя бандура
вольнь, тяни за хворью шкворень
плети подсолнухи за дворик
нажмыхай в маслянные тучи
прощальный всполох бабья лета!
окучий неба черни кистью
засохшей как власы, а в руки
возьми по крошевной скорлупе
и в черны дыры зиму всучи.
дави дави звезды зернице
могучим перстом Богу в храпень!
за околотной пусть забражит
в парную земь снегую душу
и сгрезит в оке длинный клитэр
у переносицы гармошной
застынет слезью шаром покоть
с необерлоченной морщиной.
а ты уткнись в призыв хрященный!
а ты уткнись в рукав лапотный!
скреби ногтем по днищу вещцей
и над речной творожной бродью
пусть нависают красны гроздя
с болезной дрожью чахлых листьев.
сугрей окоп хайлом надышным
супонь сапог, фуфай яичник,
звени звени моя бандура! Чу!?
– Весна блудунья, «пограничник»!

33. Я желаю нам легкой смерти

Я желаю нам легкой смерти
у свечи, в посторонней церкви,
на деньгах и на мокрой постели,
на стихах, или с криком «верю!»,
с Моисеем, в ногах гирей
в той пустыне, на лысой горе,
или в зоне, с кайлом в руке,
а может рядом с пьяным погонщиком,
или в форме с новым погончиком...
Я желаю нам легкой смерти
ровно в полночь в своем кабинете
рядом с дьяволом на львиной охоте,
а может в Питере, на болоте...
Я желаю умереть на вздохе
у седьмой по счету пройдохи
в ее красной мягкой постели.
Я желаю нам легкой смерти
на чужой красивой планете,
на пороге желтого Дома
или в жуткой пьяной канаве,
а если повезет – в колонне
на пыльной прямой дороге,
или в покошенном стоге
глядя в глаза молодой волчице
или от птицы желаю смерти
или от жара горчицы
или от сотни выпитых банок
аперитива «Бьянки»,
от анекдотов «Анки»,
я желаю нам легкой смерти
тостуя за жизнь, за гранки,
во время беседы у Бога
получая ножиком в сердце
я желаю нам легкой смерти
от недостачи в банке
от песен сибирской Янки
или от съеденной мертвечины
за стальной Кирпичной стеной.
Я желаю нам легкой смерти
от подарка своей дорогой
и ненаглядной теще,
от осенней коварной лужи
или от фразы «кому ты нужен?
и что есть причина смерти?»
а может ты просто – упал и умер?

или совсем уже полоумен?
или обманут собственным другом?
или другим поэтом контужен?
или звуком твой мозг нагружен?...»
в общем, ясно: в Бога не веря
покидая свою купель
я желаю нам легкой смерти
(в России вечная цель...)
впрочем, каюсь, солгать не могу
я желаю нам полной жизни,
когда кровь и слюна брызнет
от прочтения этой строчки
той последней своей ночью
а потом отойти желаю
от желанного мне края
и вкусить пару новых строчек,
и бежать от стихов, где прочерк
вместо боли в конце точек
и упасть на луга в пропасть
где мы кушать и спать просим
и в начале «НЕ Я» восклицаем
тянем жилы и жалим, ставим
знак вопроса нерукотворный
под словечком простым «покорным»...
вольно! Почесть дана. Каюсь
выхожу из себя, таю,
не рожден, но уже умираю
в глубине своих лучших лет...
коченею, колюсь костью
мерзну, жду, открываю гостье,
реверансы, поклон, на пол,
хруст в спине, в животе, на кон,
ставим голые мысли в образ,
А затем пустота, голос. И отсчет:
– раз, два, три, готовы?! Взлетаем!
– но куда?
– а так, черкнуть слова.
и в словах умереть. Слегка...
впереди еще много слов....
да простит меня, Бог – верю!
Пока...

34. Непременно, он придет, откроет дверь...

Непременно, он зайдет, откроет дверь,
Станет тихо и светло. Наоборот -
Он откроет дверь, зайдет, отключит свет
Станет больно, громко, даже итога -
Горячее чем вода у батарей,
Станет
Та вода, в которой дышащих углей
Пламя
Ярким пламенем не гасит стельки кед,
Что поставлены сушиться потому
Что плясали целый день «Он не пришел»
Оттого что не пришел, зараза, все.
Но он все-таки придет, но поздно, нет -
Вот от этого теперь горит, бронхит -
Заболели кеды (ей-то ничего),
Зачихали
И оставили на луже вечный след
Скраю.
Так на что же я все время отвлекаюсь? – Ах,
Он придет, короче, ляжет и прижмет
И укутает тебя до пяток, до
Спинки белой (пусть вбирает холод стен)
И прижмет лобок к упругим узлам вен
А на утро, он, с матраца на полу
На привычный уже взгляду потолок
Встанет,
Вв форме-хаки и плаще
И уйдет – Парень!
Слышишь – грохот?!
Вот он был и тут же, милый, черта нет,
Улетел
В непонятное, но ГРУ^{2/} своей любви
Сдав бутылки (вечный груз), и две улы-
бки и шпорами царапая паркет,
Ну а ты уже в который в жизни раз
Будешь надпись циклевать «Я не умру»
И стирать со спинки черный, черный мел.
/*/

² «ГРУ» – Главное Разведывательное Управление Счастьем.

35. Про пальмы (Л.А.)

вдоль дороги олени, олени
не спеша идут группами, семьями
а на спинах их гоблины, гоблины
зайцы снежные бликами фар
светом в темени
чуть видны в отражении солнечном
утром северным.
а я тоже участник движения
выключаю им ночь и колесами
помогаю толкать нашу ось земли
рядом женщина спит под гитару
и тревожнее лишь лицо Сары
и обратно идут наши ели
вынув лапы из снежных шинелей
возвращаясь из финского плена
где так правильно, главное – сухо
на дороге, и жижей старуху
не облить, даже блудь не обрызгать
и в предчувствии родины мызганной
из колонны сбиваются в толпы
наши ели, не доски, не бревна
и минуя кустами таможду
убегают к березкам и кленам.
потому что я в север влюбленный
в спины острых карельских гранитов
тех солдат что лежат с неолита
защитивших от ига льда пальмы
выставляю на «холодно» таймер
в отделеньи былых убеждений
но олени, а может быть гоблины
создавая помехи и волнами
языки заплетая, горячие
от елей
отражаясь уже еле-еле
на метку «медленно»
на «очень медленное приключение».
не волнуйся, любимая, с челочкой
не успеет твой солнечный зайчик
больно жгущий и мягко ласкающий
разлюбить твои ясные глазки
пока пилятся ели на доски
пока эта природа неброская
позволяет грешить чтоб согреться.
под нарисованной пальмой из детства
под ковром на стене, где олени
нас вели за бетонные скалы

мы уснули, раз лучники – парой
мы пропали, пропали, пропали мы
мы пропали – нас торкнуло карою -
вдоль дороги тянуться семьею
в черно-белых пятнистых надеждах
(а под ними купальник и плавки
в тему севера – белые с черным
на грудях твоих бога волнуют
шкурки выдры ворсисто-шершавые)
вдоль дороги – и крылья распахивает
хулиганистый зюйд – дуя с пашни
мы пойдем вдоль дороги по каше
туда где пальмы
мороз
а главное – ягель
столь пурпурного, вечного цвета!
и на брусничном листе спеет жемчуг!
на оленёнках кораллы растут!
и бокалы звенят, моря полные!
папучасы бегут, с горем венчанные!
а мы солнцем к шизлонгам привинчены...
нет делений на мне половинчатых -
просто медленно стрелки идут
чтобы встретиться с нею мне, с нею...

36. Первокурсное

Как быстро в замкнутом пространстве
пустых разврата наслаждений
широкой в сердце бороздою
ложится мрак душевной лени.

Лицо гримассою улыбки
застывшей пустотой глаза
живу глухой, фальшивой скрипкой
в оркестре бала-маскарада.

Бессмысленность дубинкой дирижера
вколачивает злобу в стадо масок
через заплеванные стены коридора
не выбраться из мира черных красок.

Цинизм и жадность дарят розы
по философски морщат лбы
и мордой в грязь, и ты кому-то в морду —
оскалишь зубы, хоть душа в крови...

Душа в крови – зато спокоен
и музыку своей мечты
я прерываю хриплым воем
кидая в стойло жалкие цветы.

Несу сквозь годы оболочку
и жалость – скрученную в узел
я одеваю чью-то маску
и притворяюсь – что кому-то нужен ...

37. Неопознанный Лунный Объект

Ложится спать сиреневый туман
сомнамбулы по полю тихо бродят
а ежик вдруг залез ко мне в карман
в клубок свернулся и иглой по сердцу водит.

На ворохе исписанных листов
дрожащих от мелодии фрамуги
коровка божья крылышками будит
сознание у вычеркнутых слов.

Во дворике затихла детвора
лишь хлопают полотна простыней
над крышами бараков, высоко
юлой жужжит, в полнеба, НЛО.

Возьмет с собой он тел тщедушных пепел
останется лишь Бог да глупый ежик
на ворохе исписанных листов
иголками водить словам по коже.

38. Прощай Верлен

Здравствуй! Мое солнечное утро
инеем покрытая береза
Муза моя в коже «берлиозовой»
дачная уютная подруга под
шелковым верблюжьим одеялом
шелковым верблюжьим одеялом
на краю над скоком черепичным.

Здравствуй, «стечкин»!
С запахами мха, душистой прели
стояка от теплой, ниже, печки
пол, усыпанный сушеными грибами -
здравствуй, вечность!
Облако, смертельно-фиолетовое
что ты мне сегодня, псу отпетому
понастелишь на ухабистой дороге?...
...Здравствуйте, лесные бандерлоги.

39. Я камен

Прощай, любимая, прощай
я улетаю с облаками
прощай им – падшие на камни
слезами.

Прощай, любимая, прощай
я облетаю пустоцветом
прощай и... скушно этим летом
быть фиолетовым.

Прощай, любимая, прощай
я заплетаю ленты в косы
прощай им шляпки из соломки
и в ведрах – росы

Шампани!

Прощай, любимая, прощай
лежи комочком
в объятьях-щупальцах у строчек...
ОН – ХОЧЕТ!
Тебя, любимая. Прощай. На камень!

40. Сыну

Маята на моих часах
(я часы не ношу – боюсь)
маята на моих руках
(не ношу на руках я в блюз)
маята на моих ногах
(не ношу на ногах земли)
маята на моих глазах
(не ношу на глазах белки)
маята на моем седле
(ствол затянут под жгут-ремень)
маята на моей спине
(спички чиркают об камень)
маята на моей стране
(в ней для счастья открыли кран)
маята на моей Душе
потому что в ней нет Души.

Маята. Не рождайся, Сын.

41. Так жил никто в пустой хрустальной вазе

Так вербы веточка трещала на заре
Так жаден был огонь на алтаре
Так беден был уют в счастливом доме
Так я любил ее
На выжженной траве.

Так между кочек у грибницы запах терпкий
Так тетерев токует по тетерке
Так цапля за лягушкой важно ходит
Так солидолом пахло на заводе
Так я любил ее
На выжженной траве.

Так воротник цеплял на шее родинку
Так вход в пещеру баловал джакузи
Так Тузик лопухий полз на пузе
Так я любил ее, на выжженной траве
Полоску пашни для моей могилы

Пока не появилась ты...

42. Куколка из Таллинна

в розовом купальнике
движется по комнате
И скромно улыбается...
Но если навзничь упадет —
ты с ней дружок намаешься.
Она не морщит свой лобок
в истерике не бьется
ногами держит потолок
и никогда не гнется,
не просит денег на еду
команды ловит на лету ...
Разденься, хлопни и скажи:
«А еще любите меня, за то, что умру!»

И тогда:

Взорвется прожилками вен пластмассовый корпус!
Раздвинут шарниры колен пространственный
доступ!
Стальные пружинки растянут зрачок!
В последней конвульсии вздрогнет живот!
И руки замкнут смертельный захват
И на прилавке под давкой
Различных моделей пушистых котят
Сверкает новинка —
«Ккукла Дафни – дочь Хеопса. И ее друг
Щелкунчик
В позе лотоса ...»

43. Маленький ребенок собирает куклу

Маленький ребенок собирает куклу
В дальние походы. Утром.
Будоражит тело, вкручивает мысли
В голову, а в плечи – весла.
Пристегивает ноги, ставит их на лыжи будто.
И прячет ей подушки в большие балахоны
с голыми плечами «Будды». Получилось круто.
Ставит ее на пол, смотрит, измеряет – кукла. Не
вышло.
И вынимает дышло с реберного дела, с номером
«03».
Приехали, забрали.

Куклу разобрала старая больная Доктор.
Следующее утро.
Маленький ребенок собирает куклу в новые
походы.
Собирает тело, голову и шею, Душу.
Проводом проводит венные артерии, шарфиком
затянет,
На руки – железо, совесть вместо мыслей.
Брызнул.
Сколотил гвоздями, стал еще упрямей, посмотрел
на куклу, Стукнул.
Повесил ее в угол, поставил рядом свечи. Чего —
то не Хватает! – Иисуса.
Вот этого не надо! Маленький ребенок боится и
ложится
Под мамину кровать. Ночью
Выбежал, споткнулся, упал на холодильник.
«Аллахом»
Эта кукла выглядит. Не к месту. Сделал две
наколки,
Ссмазал ротик клеем. До утра успеет? Сможет до
распада сказать
«А Вы – что надо!»?
Воткнет себе иголку, сделает младенца?
Но та печально смотрит.
Головой вращает, кидает себя на пол и слышно
только
«МА-МА». – Кукла.

Из партии «зеленых» с красными глазами. Ну-ка
Давайте развернемся, добавим кукле темпа,
Глаза накрасим синим, оденем ей ботинки,

Бикини на платформе. Вытянем ей ножки,
Сходу обернемся – «Кеном»! И в новые походы.

Рядом только «Барби» —
ну прямо как живая!
Стая окружила, рвет ее на части, автографы на
память
Опилки и бумажки, гнутая резина, а Богу – капли
крови.

Не вышло в это утро. Маленький ребенок убивает
куклу.
Пишет ей уроки.
О правилах, законах, молекулах истории, большой
литературы
О химии, тычинке, о безопасном сексе, об этике,
эстетике
Лиц «политбюро» в нашей информатике, секретных
донесеньях
Правилах грамматики, новой демократии и прочей
древбедени.
Засовывает в голову. Хлопает в ладоши – а ну-ка
повернитесь!
И бегом, к «Лолите»!

Опять не вышло. Взорвалась кукла...

... Ощерилась улыбкой, глаза налились кровью,
мускулы
«Ван-дамма»

Прыгнула, ударила глобус. Он на антресоли
распался.
Из него посыпались маленькие буквы. Падают,
кружатся
Россыпью и на пол. Там сидит ребенок,
складывает слово

«Мама мыла раму».

Весело. Ручками играет, ножками топчет.
Падает и плачет.
Мама инстинктивно дернулась на помощь. Однако,
подоконник...
Упала и разбилась. Кукла —

Маленькая мама
Дева-одиночка
С маленьким сыночком,

Улыбкою «Мадонны»
Живущая в России
В городе «Бидоне»
В двухтысячном году
До рождества Христова...

44. Настоящим сообщаю что я жив. ТЧК

Настоящим сообщаю что я жив. ТЧК.
А другие пусть считают что я умер.
Потому как на часах у потолка
Цифры «три» «девять» держу, спи
Моя «woman», я твой «man» в уме ...
Она спит и спит на небе пусть Бог!
От Онеги на огни летит псих черт!
Уплывают в океан волны – борт в борт
А левее не правее смерти вид – стыд.
Она спит и я лежу у ее ног
Барсом
Пусть она меня во сне зовет
«Барсик»
А устанет нас держать стрелка —
Белкой
Перепрыгнет на соседню сделку,
И спит...

Сон (цветной), «Жанка и Данко»:
Юная Жанка стоит у зеркального шкафа в
короткой юбке и красит губки.
Заматеревший Данко на четвереньках, ходит
голый вокруг, по-кошачьи,
ластится. Выгибает спину, трется об ее
ножку: «мыр-р-р-р-р, моя кошка»,
смотрит вверх: «О, хитрая, без трусиков
она!!! Лижет языком ее коленку.
Падает на спину и высунув язык легонько
дышит, весело и преданно смотрит ей
в глаза. Она небрежно обращает внимание,
наклоняется, кусает больно и
почесывает его за ахилесовую пятку. Он резко
кидает ее на ковер. Она
успекает вскочить на четвереньки, но поздно:
«Дын-дын-дын-дын-дын-дын-дын...».
Она поскуливает, пытается отползти... «А под
диваном все в пыли», —
отметить все же успекает. Ворочает вокруг
зеленым глазом. Правым. Левый
слепит солнце. В окно стреляют снопы
лазерных лучей, однако, время! «Бах»!
На сцене фейерверки! Вертушки бешено играют
«Skooter», Огни петард, дым
коромыслом! С убойным визгом из ракетниц
секунды вылетают хаотично. «ПУМС» —

взрывается у ней под чакрой, и стрелка бьет
в двенадцатую цифру нот... Спадает
груз, укатывается солнце. Темнеет. Они
кончают слушать вместе, в одном и том
же месте, с сильнейшим, пламенным оргазмом
музыкальным
в ее голове блеснула мысль:
«Вот она, настоящая поэзия и философия!»
Он разбирается в ней: «Так, посмотрим, что
тут у нас?»
Переворачивает на спинку: «Ага, ... ОГО!», —
сует куда-то взгляд, — «А
говорили, что она существует только в моей
голове! Вранье! Вот же она!
Настоящая! Так я напишу тебе стихи!» Пишет.
Жанка читает. Данко: «Читай, читай меня...»
Ложится, расстегивает грудь, она садится
рядом в позу
гейши, листает страницы его сердца:

– Так. Так... а что это за прочерк?
– Это шрамик.
– От Жанки шрафиков не будет, мой милый,
оставлю я тебе на память поцелуй...
Целует его прямо в сердце. В Засос.
– «Тук-тук-тук-тук-тук»
– «Дын-дын-дын-дын»
«Что тут за грохот, ты делаешь себе
ремонт?», — заходит муж.
«У-у-у-у-уйди пока, дорогой, я у космоса в
плену,
меня андроиды пытаются», — разгоряченно
обернувшись, — «хочу в европу летом я»...

«В европе будет чудно ей», — задумчиво
тихонько он уходит...

Звонок в дверь: «Пиццу заказывали»? Жанка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.